

Разведка спектаклями

СОБЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
21 ОКТ 1958

Театр имени Н. К. Крупской привез на декаду две постановки пьес киргизских драматургов — «Сарынжи» К. Шаммамбетова и «Свет в долине» Р. Шукурбекова. Факт сам по себе примечательный. Театр не ограничился разговорами о необходимости обращения к национальной драматургии — он перешел к делу.

Для этого, конечно, понадобилась и творческая смелость. Ведь надо было как-то по-особенному органично слить в спектаклях традиции русской и киргизской театральных культур. Надо было соблюсти и художественную правду происходящего на сцене, и сохранить национальную специфику. Необходимо было найти какие-то свои пути для образного воплощения пьес, исходя, разумеется, прежде всего из идейных, стилизованных, жанровых особенностей каждой.

...И вот мы смотрим «Сарынжи». Седая старина, сохранный в памяти народа поэтичный преданием. Могучие страсти благородных джигитов, злокозненное хитроумие их заклятых врагов, алчных, сластолюбивых, не знающих меры в своем коварстве, торжество правды и добра, посрамление темных сил.

Характеры очерчены резко, с безусловной определенностью. Все персонажи делятся на героев и злодеев, середины нет. Драматических событий столько, что их вполне хватило бы на несколько пьес. Не успевают герои преодолеть одну напасть, как их уже настигает другая: негодяи действуют и порознь, и сообща; немудрено, что для противоборства с ними требуется незаурядное мужество... Им обладает Сарынжи. Но не одержать бы ему победы, если бы не было у него верных друзей —

простых чабанов, если бы не окрыляла его безаветная любовь к гордой и добросердечной красавице Бермет. Пьеса прославляет душевную чистоту, дружбу, любовь, близость к народу, хотя историческая картина в ней далеко не полна: все-таки основные события развиваются вокруг борьбы за ханский престол, жизнь народа остается за сценой.

Режиссер М. Маламуд верно понял художественное своеобразие пьесы. Постановка насыщена поисками эпического ее воплощения, убедительного выражения непримиримых, яростных столкновений, крупных, предельно рельефных характеров. Но эти приемы не всегда последовательны. Спектакль терпит урон, когда режиссер перестает быть требовательным к себе и актерам. По-оперному условны народные сцены. Порой некоторые исполнители не развивают найденные поначалу характеры; иногда чтение стихотворного текста вплотную подходит к границе, за которой находится выспренная декламация. В основном же, в главном спектакль передает самый дух героической эпопеи. Немало тому способствует красочное оформление (художник И. Белевич).

Артист А. Крамер находит немало различных оттенков в поведении циничного, неразборчивого в средствах для достижения власти Конура. Видишь, что он умен, избретен. Роль подручного Конура — Джамак живописно проводит М. Правос. Интересен Бокой в исполнении В. Офицерова.

Волнующая, полная драматизма жизнь Акчаим проходит перед зрителями благодаря искусству артистки Т. Варнавских. Не так уж велика в сравнении с другими эта роль, а впечатление оставляет большое — так проникновенно раскрываются страдания женщины, утотванные ей мужем. Зато

героиня пьесы Бермет (арт. К. Козыменко) иногда подменяет целенаправленное действие внешним изображением чувства, состояния.

Жаль, что в труппе театра не нашлось молодого актера для роли Сарынжи. Важнейшие качества, необходимые для полноценного ее исполнения, — это неуемный темперамент юности, непосредственность восприятий, быстрота острых реакций на события. Опытный актер В. Казаков стремится точно следовать логике действия, достоверен в поступках, но этого мало для Сарынжи.

Общие итоги постановки радостны. Путь продолжен. Нужно лишь укреплять достигнутое, продолжать совершенствовать интересный спектакль.

Другие выводы напрашиваются после просмотра «Света в долине».

Лирическая комедия Р. Шукурбекова в какой-то мере отражает киргизскую современность. Видишь по пьесе, что по-новому складываются ныне человеческие взаимоотношения. Свободно живет и чувствует, увлеченно трудится красивая, работающая девушка Саодат. Она уверена в своем неотъемлемом праве на яркую, наполненную большим содержанием жизнь, не омраченную ни властью денег, ни унижительными стародавними обычаями. Есть в комедии то светлое, то забавные сценки, непринужденным кажется диалог. И все-таки пьеса весьма и весьма далека от совершенства.

Было бы нелепым упрекать лирическую комедию в том, что она не раскрывает содержание, доступное драме. Но и в комедии содержание должно быть! Необходима и мысль — боевая, волнующая, да и тему хотелось бы видеть подлинно современной, не банальную. «Свет в долине» обходится и без того, и без другого. Драматург рассказывает о любви Саодат и тракториста Акмата, о том, что соединили любящих мешают случайные препятствия: то Акмат безосновательно полагает, что девушка выходит замуж за председателя колхоза, то Саодат верит выдумке, будто у Акмата есть невеста. Когда недоразумения выясняются, уже ничто не мешает счастью героев. Таков сюжет, и нельзя не заметить, что он не отличается прелестью новизны. Правда, время от времени действие прерывается для того, чтобы показать, как в колхозе копают арыки для орошения целинного участка, или для рассказа о том, что колхозники строят электростанцию. Но все эти сцены иллюстративны, лишены даже намека на драматургический конфликт. И создается впечатление, что драматург, показав лишь некоторые приметы подлинной жизни, не заглянул в глубь ее...

Легко себе представить, как режиссер В. Молчанов, который ставил «Свет в долине», размышлял над вопросом, что же ему показывать — водевиль или сценическую элгию. Вероятно, разумнее всего было бы попросту продолжить работу с драматургом над пьесой.

Но, к сожалению, поскольку сделано это не было, в спектакле царит жанровая чересполосица.

Художником В. Аксеновым дана широкая перспектива чудесной киргизской природы. Декорации добротны, красивы, иногда даже слишком красивы — в них впору ставить оперу или хотя бы героическую драму: А пьесе «Свет в долине» в них слишком просторно: ее маленькие события и несложные ситуации будто теряются среди несоизмерно пышного оформления.

Правда, режиссер нередко пытается слегка «приглушить» водевильные или включить юмор в «производительные» эпизоды. Иногда это получается, разрыв между тем и другим отчасти заполняется. Труднее оказывается углубить характеры персонажей. И большинство актеров ведет свои роли, что называется, «корректно», без наигрыша, но и без истинного вдохновения.

Т. Варнавских передает забор, стойкость, трудолюбие Саодат. Г. Каржонкий показывает вдумчивого и вместе с тем веселого, славного председателя колхоза К. Гурьева вносит жизненную правду в образ Вурул. Просто и спокойно играют трактористов Акмата и Самата П. Филиппов и В. Гусаров.

В центре же постановки неожиданно оказывается комичный лодырь Рыбек! Он и Р. Шукурбековым обрисован наиболее подробно и, можно даже сказать, любовно, и артистом Л. Язновским сыгран талантливо. Рыбек изрядно оживляет действие, но... пьесато не о нем...

Постановка убеждает, что над пьесой надо было еще серьезно поработать.

...Русский театр произвел разведку в киргизскую драматургию, разведку спектаклями. Теперь у него уже есть необходимый опыт. В дальнейшем нужно избегать нетребовательности. Для этого у театра есть все необходимое!

А. ГОНЧАРОВ,
главный режиссер Московского драматического театра.